

УДК 811.161.1'276

**ЭПОХА ЭЛЕКТРОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ:
ШТРИХИ К ЯЗЫКОВОМУ ПОРТРЕТУ**

С.Б. Кураш

(Мозырь, Беларусь),

Е.В. Струков

(Мозырь, Беларусь – Чанчунь, Китай),

О.Н. Хаками

(Гейдельберг, Германия)

В статье предлагается попытка обзорно-аналитического представления некоторых ключевых фрагментов современной рече-языковой реальности, имеющей место в эпоху развивающихся электронных коммуникаций. Анализируются такие проблемы, как отношение языка интернет-общения к системе функциональных стилей русского языка, языковая норма в условиях интернет-общения, специфические языковые средства электронной коммуникации, языковые инновации, языковая игра и языковой юмор как средство рефлексии носителей русского языка по поводу новых реалий, связанных с интернетом и интернет-коммуникацией.

Ключевые слова: электронная коммуникация, интернет-общение, норма, функциональный стиль, эмотикон, языковая игра, языковой юмор.

The article is an attempt of the analytical review represent some of the key fragments of modern speech and language reality in the era of emerging electronic communications. Examines such problems as the relation of the language of Internet communication to the system of functional styles of the Russian language, the linguistic norm in terms of Internet communication, the specific linguistic means of electronic communication, linguistic innovations, language play and linguistic humor as a means of reflection of Russian-speaking people about the new realities associated with the Internet and Internet communication.

Key words: electronic communication, Internet communication, norm, functional style, emoticons, language play, language humor.

Тема, заявленная в заглавии данной статьи, одновременно новая и достаточно изученная, «научная» и «популярная», серьёзная и не очень... Попробуем пояснить. Во-первых, сам объект исследования – электронная коммуникация – достаточно нов (если, конечно же, не вести речь о традиционном телефонном или ещё более раннем и практически забытом телеграфном сообщении, телевидении и радио, о которых далее речь вестись нами не будет; мы будем говорить в первую очередь об интернет-общении); во-вторых, сегодня компьютерно опосредованное общение (и технологически примыкающие к нему сервисы наподобие мобильной телефонии) – это повседневная среда обитания большей части населения, и исследователь вынужден смотреть на процессы не в ретроспективе (когда всё устоялось, оформилось, зафиксировалось – от непосредственно языковых фактов до методов их научного осмысления), а как бы изнутри, из «эпицентра событий», которые очень важно не упустить, а напротив, зафиксировать, отрефлексировать и, возможно, даже успеть с неким прогнозом; наконец, важно в оценке всех разворачивающихся буквально на глазах событий (которые так и напрашиваются на некие оценки вроде «хорошо» это или «плохо», «помогает» или «вредит», «прогресс» или «регресс») удержаться от необоснованных крайностей, поспешных характеристик и прогнозов, чему в немалой степени способствует здравая доля юмора в рефлексивном поведении исследователя.

В предлагаемом ключе мы и попытаемся набросать некоторые штрихи к языковому портрету современной эпохи – эпохи электронных коммуникаций, полагаясь, в том числе, и на положения, выдвинутые в ряде фундаментальных работ последнего времени, посвящённых проблеме взаимоотношений в триаде «человек – язык – компьютер» [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

К настоящему моменту уже можно однозначно утверждать о факте возникновения третьей формы речи, наряду с устной и письменной – особого электронного письма и определенной коммуникативной среды, которую оно обслуживает, так называемое «конкурирующее воздействие норм письменной и устной речи» [3]. Это положение постулируется практически во всех крупных исследованиях, ссылка на которые приведена выше. Например: «...Интернет обостряет и фокусирует уже наметившиеся тенденции смешения элементов устной речи, которая воспринимает элементы книжности, и письменной, широко использующей принципы разговорности. Начинает разрушаться само соотношение книжности с основой на письмен-

ной речи и разговорности, базирующейся на принципах речи устной. Границы форм речи становятся размытыми, в результате функционирования в Интернете появляется особый тип речи, суть которого точнее всего определяется как «письменно-устная» речь» [9, 58]. Дискуссионным остаётся, пожалуй, один ключевой вопрос: новое электронное общение (письмо) – это рождающийся (а может быть, уже и родившийся?) новый функциональный стиль? Или об этом говорить рано? А может быть, и вообще неправомерно? Или это некий особый феномен, внепоставленный системе стилей русского литературного языка?

Ещё раз обратимся ко мнениям специалистов: «...можно поставить вопрос о функционально-стилистической принадлежности языка ГС (глобальной сети. – *Примечание авторов*) в целом. Особый ли это подъязык (профессиональный, специальный), жаргон, или особая функциональная разновидность, подобная языку публицистики или деловому языку? Повидимому, ни то, ни другое, ни третье. Жанровое и функциональное разнообразие, а также разнонаправленность воздействий, под влиянием которых формируется язык ГС, позволяет, скорее, предположить, что он представляет собой образование, находящееся над подъязыками и отдельными функциональными разновидностями, образование, объединяющее множество жанровых подсистем, разделяющихся в свою очередь, на отдельные жанры» [3].

Другие исследователи более категоричны в своей позиции отнести язык электронного общения (прежде всего интернет-переписки и мобильных сообщений) к особому функциональному стилю, находя, что он имеет ярко выраженные отличительные стилеобразующие черты, такие, как обезличенность, сжатость, эмоциональность, логичность, оперативность, сочетание языковых и графических средств (например, использование смайлов) и пр. [11, 35] и вызван к жизни возникновением новой сферы его употребления, которая сформировалась в результате активного распространения и внедрения информационных и компьютерных технологий [12].

Однако есть и не менее категоричные возражения относительно зачисления языка интернет-общения в систему стилей русского языка, в частности, таков подход Г.Н. Трофимовой, отмечающей: «На самом деле в Интернете представлен весь современный русский язык во всём многообразии его лексических, морфологических, синтаксических и стилистических средств, во всей динамике его живого развития, со всеми актуальными процессами, проблемами и особенностями сегодняшнего

дня, во всех речевых реализациях, так как день ото дня аудитория Интернета становится всё более широкой и разнообразной» [9, 206].

Мы полагаем, что истина «где-то посередине», и суть не в терминологических нюансах (время покажет – стиль или не стиль!), а всё же в признании современными лингвистами за языком интернет- (и – шире – электронной) коммуникации некоего феноменологического статуса.

Каков этот язык? Дополним его портрет ещё несколькими чертами.

Конечно же, это так называемый «орфо-арт», т.е. намеренно вольное отношение с нормами правописания, своеобразная «игра вопреки правил», в данном случае орфографических («олбанский язык», «язык падонкафф»), так называемые «эрративы» (от лат. *errare* «ошибаться») – слова или выражения, подвергнутые нарочному искажению носителем языка (автор – *аффтар*, сатана – *сотона*, красавчик – *красафчег*, смешно – *смишино*, пиши ещё – *пиши исчо*, нравится – *нравицца*, подстричь – *пацтричь*, под столом – *пацталом*; ещё – *исчо*, ежик – *йожыг*; не осилил – *ниасилил*; как дела – *кагдила*; под столом – *пацталом*; ржу, не могу – *ржунимагу*, убей себя об стену – *упейсибяапстену* и т.д. и т.п.).

Что это за феномен и как к нему относиться? Сразу заметим: мы имеем дело с намеренной антинормой, с установкой написать как угодно, лишь бы неправильно. Но ведь антинорма есть производна от нормы, которую пишущий, следовательно, знает и намеренно с ней «играет». А в игре вроде бы ничего страшного и нет. В конце концов, наиграется – и надоест... Но это и так, и не так одновременно. Есть и те, кто делает ошибки не намеренно, а вследствие спешки, подражания, пародирования и пр. Но ведь в сетевом общении хватает и действительно безграмотных людей (даже если их и меньшая часть), и их безграмотность попросту «исчезает», нивелируется, никем не осуждается и тем самым принимается за норму... См. об этом подробнее: [См.: 8, 33–40].

Но всё же не будем забывать: мы ведём речь всё же о необычно способе делиться мыслями, психологически подталкивающему ко всякого рода отклонениям от привычных норм коммуникации, – о «письменно-разговорной» практике: «Во многом она схожа со старейшим жанром переписки, практически исчезнувшим в последнее время. Однако это жанр не полноценных, пространных писем, а скорее письменных реплик, записочек, которыми школьники обмениваются на уроках. В условиях интерактивной сетевой коммуникации темп речи приближен к устной ее разновидности. Интонацию

заменяет система основных и дополнительных смайлов. Кроме того, создается письмо на клавиатуре, а не пером по бумаге. Психологически и физически набор текста с помощью клавиш и написание слов от руки суть процессы абсолютно разные. Даже и именно мышление работает по-разному, атрофируется, к примеру, автоматизированного рукописного формирования правильного образа слова (что называется, «рука запоминает»). При написании мы смотрим на воспроизводимое слово, а при его наборе оно распадается на отдельные буквы (клавиши), к которым чаще всего прикованы глаза и внимание создателя текста. Именно здесь кроется причина огромного количества пропущенных опечаток в репликах. Ведь мы не стремимся перепроверять и корректировать наши высказывания в чатах. Надо как можно быстрее ответить, чтобы не потерять нить разговора» [9, 50–51].

В оценке этого явления и его возможных последствий мы в целом солидарны с московским профессором М. Кронгаузом, высказавшемся так: «Мода на «язык падонков», *превед* и подобные клише связана с их новизной. По существу, каждое очередное употребление эту новизну, а следовательно – игру, остроумие и веселость стирает, а точнее говоря, превращает в банальность. Это судьба любого речевого клише. Мне кажется, что особых перспектив развития у этой лингвистической игры нет, уже сейчас набор выражений застыл, и новые появляются достаточно редко. С другой стороны, нет оснований считать, что все эти слова вот-вот исчезнут. Речевые клише могут существовать очень долго, хотя, как я уже и сказал, теряют большую часть своей энергии. Короче говоря, долгие лета *медведи*, *преведи* и иже с ними! И пусть они напоминают нам о лингвистических играх раннего периода развития интернета. А в качестве моды на смену им придет что-то иное, другие языковые игры, другие слова и словечки...» [5].

Конечно, в духе начатого разговора нельзя не сказать хотя бы несколько слов о специальных средствах в электронной переписке – эмотиконах (в т.ч. смайликах), т.е. компенсаторных графических средствах, при помощи которых можно передать в отсутствии непосредственного контакта между коммуникантами те или иные эмоции, чувств, реакции и пр., типа ☺ – улыбка, ☹ – грусть и т.п.; различные комбинации пунктуационных знаков, буквенно-цифровые написания типа «o5» (*опять*) и др. Они в значительной мере упрощают и расширяют возможности компьютерно опосредованного общения, а в ряде случаев и вовсе используются как самостоятельные коммуникативные

знаки, без какого-либо текстового сопровождения (чаще всего при оформлении ответных реплик).

Из всего сказанного может сложиться впечатление, что все упомянутые процессы сводятся к одному глобальному – стремлению всё максимально упростить, получать удовольствие от общения «не напрягаясь» и не отвлекаясь на различные сдерживающие факторы наподобие норм языка. Но и это не совсем так: «Безоговорочный вывод относительно упрощения всех средств выражения кажется мне односторонним. Более адекватным представляется вывод, что в плане выражения имеют место как упрощение, так и усложнение. Так, повсеместно наблюдаемая в ГС эволюция текста в гипертекст (о гипертексте см. далее) является не упрощением, а усложнением структуры текста. Гипертекст может рассматриваться как новая единица плана выражения в ряду: фраза – сверхфразовое единство – текст – гипертекст» [3]. И более того: «Все большее распространение получают литературные произведения, которые с самого начала создаются для публикации только в ГС, а не на бумаге. Они нередко посвящены компьютерной или сетевой тематике. Такого рода произведения сами пользователи ГС объединяют под названием “сетература”» [3]. Можно в связи со сказанным упомянуть и целый ряд новых жанров, специфических для интернет-коммуникации, а также трансформационные процессы, активно протекающие в системе традиционных жанров и стилей [6].

Кроме того, многие лингвисты говорят и о появлении особой – виртуальной – языковой личности: «Вы можете стать всем, кем Вы хотите. Вы можете, если хотите, полностью «переобозначить» себя. Вы можете стать лицом противоположного пола. Вы можете быть менее разговорчивым. Вы можете быть просто тем, кем Вы хотите быть. И Вам не нужно переживать по поводу того, как Вас воспримут другие. Очень легко повлиять на это восприятие, т.к. все их представления о Вас основаны на том, что Вы им показываете. Они не видят Ваше тело и не делают по нему никаких предположений. Они не слышат Ваш акцент и тоже не делают по нему никаких выводов. Всё, что они видят, это Ваши слова» [10, 83]. Отсюда – всевозможные «тролли», «спамеры», «флудеры» и пр. [1].

Своеобразие языка интернет-коммуникации проявляется на разных уровнях – от фонетико-просодического до тексто-дискурсивного [3]. Но ярче всего языковые инновации проявлены на лексико-фразеологическом уровне, где можно фиксировать сотни (а может быть, и тысячи) инноваций: лексических, семантических, фра-

зеологических. В рамках одной ограниченной объёмами статьи их, конечно же, охарактеризовать невозможно. Ограничимся лишь некоторыми наиболее показательными, на наш взгляд, примерами.

Семантические новации: *мышь* (компьютерный манипулятор), *собака* (@ – знак-разделитель в адресе электронной почты), *паутина* (Интернет), *сеть* (Интернет), *страница* (веб-страница), *ящик* (адрес электронной почты), *друзья* (партнёры по интернет-переписке в социальных сетях) и пр.

Лексические инновации: *зафрендить(ся)*, *спам*, *спамер*, *смамить*, *флэйм*, *забанить*, *макнуть*, *коннект*, *апгрейд*, *провайдер*, *кликнуть*, *хакнуть*, *банить*, *флудить*, *офлайновый* и мн. др. Одним из самых модных и популярных слов в сегодняшней молодёжной интернет-коммуникации является слово *лайк* (условное выражение одобрения материалу, пользователю, фотографии, выражающееся нажатием одной кнопки), давшее многочисленные производные от него (*лайкнуть*, *лайкать*), в том числе сочетания с ним (*ставить лайк*, *проверить лайк*, *обмен лайками*, *бесплатные лайки*, *накрутка лайков*, *лайк тайм*, *лайк-машина*, *строчить лайк*, *лайк за лайк* и др.).

Неофраземы электронной коммуникации: *добавить в друзья*, *удалить из друзей*, *друзья друзей*, *найти новых друзей*, *все друзья*, *друзья онлайн*, *заявки в друзья*, *поиск друзей*, *закрывать профиль*, *добавить в избранное*, *рабочий стол*, *редактировать фото*, *отметить друзей*, *написать сообщение*, *добавить ссылку*, *моя страница*, *актуальные фотографии*, *добавить статус*, *изменить статус*, *послать глухаря* и пр.

Сетевой этикет: *Доброго времени суток!* *Спс!* *Спокойно!* *До связи!* *Дорогие форумчане!* *Уважаемые пользователи!* и т.п.

Предложенные авторами данной публикации отдельные наброски к речевому портрету эпохи электронной коммуникации были бы не столь яркими и рельефными, если бы мы обратили внимание на языковой юмор, в зеркале которого носители современного русского языка оценивают всё то, что связано в их жизни с рассматриваемым феноменом.

Приведём лишь ряд примеров, отражающих различного рода рефлексии по поводу электронной коммуникации сквозь призму коллективного (по преимуществу) языкового юмора, который, как известно способен высвечивать самые тонкие грани оцениваемого в его ключе объекта и без которого нельзя говорить о целостном воплощении того или иного феномена в той или иной культурно-языковой картине мира. Нас в данном случае интересуют факты языковой игры и юмористической языковой

рефлексии в отношении именно интернет-коммуникации и всего того, что с ней так или иначе связано, отражённой в жанровых формах анекдота, паремии, афоризма и некоторых иных.

1. Интернет в целом (строение, назначение, преимущества, недостатки): *В интернете всего три беды: дураки, вирусы и спам. И еще образованный ими нерушимый любовный треугольник; Интернет как общедоступная женщина, мало кому отказывает и мало кому удовлетворяет; Интернет способствует победе над СПИДом!; Интернет как жизнь: делать нечего, а уходить не хочется!!!!*

2. Специфические черты интернет-коммуникации (анонимность, виртуальность и др.): *В условиях анонимности интернета все задние мысли становятся передними; «Расскажите, как познакомиться в Интернете с девушкой?» – «Своди ее куда-нибудь. Например, на сайт хорошего ресторана».*

3. Отдельные интернет-сервисы (ЖЖ, блоги, чаты, форумы, электронная почта, социальные сети и др.): *«Представляешь, подружка, я своего недавно на интернет развела, он мне даже почтовый ящик сделал!» – «Да? И какой же?» – «Крутой самый, естественно... В общем, пиши мне теперь на жена@жизни.нет».*

«Папа, папа, а кто это там в углу – лохматенький... с красными глазками... всю ночь сидит?» – «Не бойся, малыш... это же наша мама в Контакте...»

4. Некоторые технические реалии сферы электронных коммуникаций (наименования программных продуктов, устройств; типичные неполадки и пр.): *IT-новости: "При входе в интернет, теперь проходят интерфейс-контроль"; Не ставьте мне палки в браузер!; Они были неразлучны и умерли в один день... Турбо-кулер и процессор AMD; А ты установил свежие драйверы для коврика?*

5. Специфические языковые средства компьютерно опосредованного общения. В частности, можно отметить обыгрывание специальных компенсаторных средств ЭК, так называемых смайликов и эмотиконов – графических символов и их сочетаний, получающихся в текстовом режиме и кириллицы, и латиницы на клавиатуре: @ – @ delete. Собака – собачья смерть; Виртуальная любовь: они понимали друг друга с полусмайлика.

6. Интернет-зависимость: *Знакомство с Интернетом – как женитьба: жизнь круто делится на "до" и "после"; Лечим интернет-зависимость онлайн; Сижу в Интернете, чувствую запах жареной картошки, а ведь я её варить поставил!*

Корпус юмористических высказываний о средствах и особенностях интернет-коммуни-

кации содержит и ряд иных характерных концептов более частного порядка, но вместе с тем подвергающихся в нём структуризации с достаточной степенью регулярности. Например: *Windows (В Windows как в самолёте: тошнит, а выйти некуда; Если вы хотите чаще встречаться с понравившейся девушкой, установите ей Windows'95); Билл Гейтс (Тарантино снял фильм "Убить Билла" после трехчасовой установки Windows XP; Увидишь Билла Гейтса – не трогай его. Он мой; Хочу футбольный мяч с фэйсом Билла Гейтса!; Американский анти-монопольный комитет наконец-то придумал наказание для Билла Гейтса: пожизненное форматирование дискет; Билл – гей. Тсс...; Эпитафия на могиле Билла Гейтса: «Здесь покоится прах человека, который научил весь мир ходить в окна»; Как зовут собаку Гейтса? – Собаку Гейтса зовут Билл!; Люди Билли не любили, и за это Билли били; Скажи мне, кто Билл Гейтс, и я скажу кто ты); неумелый пользователь «чайник», «ламер» (А кофе на клавиатуру тоже вирус пролил?; Три категории пользователей – юзер, ламер и бухгалтер; Самый страшный вирус всегда сидит перед компьютером).*

Ряд высказываний юмористического плана манифестируют гендерный аспект интернет-общения, разворачиваясь вокруг тех или иных гендерных стереотипов: *Разработан женский Windows: к кнопкам «да» и «нет» добавлена третья: «может быть»; Мужчины-программисты любят системы с большими буферами; Женщина как компьютер: вы ее грузите, она на вас виснет; Почувствовала себя настоящей женщиной, когда просидела 4 часа в аське, дожидаясь пока Он будет онлайн и напишет "Привет", чтобы сообщить ему, что я с ним не разговариваю; У мужчин звонит в штанах, а у женщины – в сумке.*

Примечательно, что большинство юмористических высказываний, связанных с темой интернет-коммуникации, отмечены выразительной прецедентной составляющей. Так, например, в числе анекдотов, посвящённых данному феномену, встречаются знакомые всем анекдотические персонажи и ситуации. Ср.: *«Что общего между блондинкой и Интернетом?» – «Очень много пользователей»; Модема-модема, чукча почту хочет!; Новая сенсация: Чукотские хакеры взломали счёты; Возвращается муж внезапно домой из Интернета...*

Множество юмористических микротекстов, посвящённых электронной коммуникации, представляют собой трансформированные прецедентные высказывания, в частности, пословицы и поговорки, – в целом степень интертекстуальности здесь достаточно велика (С люби-

мым через Интернет и в шалаше рай; Тамбовский волк тебе провайдер; У семи провайдеров юзер без доступа; Каждой твари по витой паре; Семь бед – один Reset); фразеологизмы (горе аутлуковое; тупун тебе на модем); крылатые фразы, в основном связанные со сферами литературы (Добрый юзеритянин; Веб-мастер и Маргарита; Закинул старик Сеть... и зажил в реале; Нет повести печальнее на свете, чем повесть о заклинившем Reset'e; Я пришёл к тебе с дискетой – рассказать, что сеть упала); киноиндустрии (Истинный айпиец. В коннектах, позорящих его, не замечен; Украл, установил – в тюрьму; О, Гюльчатай, сними же свой скринсейвер!; Чтоб ты свопился на одну дискету); песенной лирики (Если глюк оказался вдруг, и не друг и не враг, а баг; Московских windows негасимый свет; Раз компьютер, два компьютер – будет сеточка!; Я лучше съем перед ЗАГСом свой password!); известных лозунгов (Каждому сталевару – по домне, каждому юзеру – по домену!) и др.

В ряде случаев концептуальные метафоры, связанные с анализируемой тематикой, выстраивают когнитивный вектор и в обратную сторону, когда в терминах интернет-коммуникации осмысляются иные аспекты человеческой жизни, как и в целом сам концепт «жизнь», ср.: *Одиночество – это когда на твой e-tale не приходит даже спам; Торопить женщину – то же самое, что пытаться ускорить загрузку компьютера: программа все равно должна выполнить все очевидно необходимые действия и еще многое такое, что всегда остается сокрытым от вашего понимания; Жизнь – это как компьютерная игра: выиграть нельзя, можно либо пройти, либо выйти.*

Анализ языковых средств создания юмористического и игрового эффектов, характерных для исследованного корпуса контекстов, позволяет констатировать, что в своём большинстве они типичны для рассматриваемого жанрового круга. Вместе с тем, можно отметить и наиболее частотные. Помимо отмеченного выше приёма трансформации прецедентных высказываний и обыгрывания прецедентных онимов, весьма типичными для анализируемого материала являются, в частности, каламбуры, основанные на сталкивании в одном контексте различных ЛСВ или омонимичных лексем и словоформ (*Он изменил ей с другой аськой; Основы интернет общения заложил еще Иосиф Виссарионович: он постоянно отправлял людей по ссылкам, а иногда даже по гиперссылкам; В Интернет выхожу редко – только по нужде; Встретились две винды 95-ая и 98-ая, и одна говорит другой: ну что пойдём в бар или здесь зависнем?; Если у вас плохо пахнет под мыш-*

кой, помойте или выбросьте коврик!; Первый файл СОМ'ом; Мягкой посадки Вашим батарейкам!); псевдотолкование значения (Оборванец – плохой провайдер); языковая игра со структурным перестроением или графическим обликом слова и пр. (Окошко обоРзевателя; Хорошо там, где у нас Net; Пенти – ум, а Интернет – нет) и др.

К сказанному добавим, что электронная коммуникация и всё, что с ней так или иначе связано, является одной из излюбленных тем упоминавшейся выше сетевой литературы (подробнее об этом см. в [13]).

Разумеется, что за рамками данного сообщения осталось ещё множество потенциальных штрихов к языковому портрету эпохи электронных коммуникаций, целая палитра отдельных нюансов, однако некоторые обобщения, на наш взгляд, сделать всё же можно.

Первое. Электронная коммуникация – феномен не только социально высокозначимый в современном мире, но также интересный и перспективный в плане языкового и метаязыкового осмысления (т.е. как объект языковых рефлексий, обозначившихся в различных речевых практиках).

Второе. В аксиологическом отношении наблюдается некоторое преобладание констатации и вербализации отрицательных сторон и последствий внедрения электронной коммуникации в нашу жизнь в сравнении с положительными. Однако в то же время этот момент в значительной степени нивелируется обращением к языковому юмору, языковой игре, к жаргонной языковой стихии, к эксплуатации креативных потенциалов, заложенных в языке. Юмористический дискурс – одна из наиболее показательных и разнообразных в языковом и жанровом отношении сфера метаязыкового рефлексирования по поводу средств и способов электронных коммуникаций. Здесь на первый план выходят сентенции оценочного плана, зачастую сопровождаемые различными приёмами языковой игры. В современных речевых практиках вербально актуализируется ряд микроконцептов, входящих в глобальную концептосферу, тематически связанную с компьютерно опосредованным общением («интернет-зависимость», «виртуальная реальность», «Билл Гейтс», «Windows» и т.п.).

Третье. Относительно жизнестойкости русского языка в условиях электронных коммуникаций. Это вопрос, как уже говорилось выше, стоит наиболее остро, но учитывая многие (в том числе отмечавшиеся выше) обстоятельства и зная историю русского языка, который на отдельных её этапах испытывал самые разные потрясения (начиная от эпохи Петра I

заканчивая эпохой экономических, политических и технологических преобразований рубежа XX–XXI вв. [см.: 7]), мы присоединяемся ко мнению тех учёных, которые настроены в отношении судьбы русского языка в целом оптимистично, а во влиянии глобальной сети на состояние языка замечают не только негативные, но и позитивные моменты. Приведём в заключение две характерные, на наш взгляд, цитаты по этому поводу: «Какой должна быть позиция лингвиста-нормализатора по отношению к языку ГС? Очевидно, многие из описанных выше процессов и явлений могут получать неоднозначную оценку и рассматриваться одними как порча языка, а другими как закономерное его развитие и демократизация. От точки зрения зависит и позиция нормализатора: либо клеймить наблюдаемые изменения и категорически препятствовать их переносу в литературный язык, либо принимать все, даже самые экзотичные новшества и надеяться, что новая сфера языкового употребления с течением времени

сама себя оптимизирует. Истина, видимо, как и в большинстве случаев, лежит где-то посередине между указанными пуристским и анти-нормализаторским полюсами» [3]; «Расширение виртуального пространства возможно только на языковом уровне, так как вербальность – это единственный способ существования Интернет-реальности. В связи с этим Интернет не только не представляет лингвоэкологической угрозы, но, напротив, способствует активизации внимания к русскому языку и правилам его употребления. В целом, особенности интернет-существования русского языка не выходят за границу общей концепции современного русского языкознания. Задача современных лингвистов заключается в эффективной нормализации реалий компьютерно-сетевой узуса в рамках культуры современной русской речи. Лингвоэкологический баланс в современном русском языке с появлением Интернета и под его влиянием не нарушен» [10, 235].

Литература

1. Баркович, А.А. Интернет-дискурс. Компьютерно-опосредованная коммуникация : учебное пособие по интернет-лингвистике / А. А. Баркович. – 4-е изд., стер. – М.: Флинта : Наука, 2017. – 285 с.
2. Горошко, Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии / Е.И. Горошко. – Саратов: Изд. Наука, 2009. – 127 с.
3. Иванов, Л.Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста / Л.Ю. Иванов. – М.: Азбуковник, 2000. – 791 с.
4. Компанцева, Л.Ф. Интернет-коммуникация: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты / Л.Ф. Компанцева. – Луганск: Наука, 2003. – 444 с.
5. Кронгауз, М.А. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 320 с.
6. Макаров, М.Л. Жанры в электронной коммуникации / М.Л. Макаров. – Саратов: Изд. ГосУНЦ «Колледж», 2005. – 157 с.
7. Мечковская, Н.Б. История языка и история коммуникации от клинописи до Интернета : курс лекций по общему языкознанию / Н.Б. Мечковская. – М.: Флинта : Наука, 2009. – 582 с.
8. Сидорова, М.Ю. Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение / М.Ю. Сидорова. – М.: Изд. «1989.ru», 2006. – 184 с.
9. Трофимова, Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты / Г.Н. Трофимова. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 380 с.
10. Turkle, Sh. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet / Sh. Turkle. – London: Simon & Schuster, 1995. – 165 p.
11. Антонов, В.П. О стилевых чертах Интернет-стиля / В.П. Антонов // Коммуникативная лингвистика: вчера, сегодня, завтра : сб. материалов междунар. науч. конф. ; под общ. ред. Р.С. Сакиевой. – Армавир: АЛУ, 2005. – С. 30–39.
12. Байкова, О. Э. Понятие функционального стиля в современной лингвистике [Электронный ресурс] / О.Э. Байкова // Огарев-online. – 2016. – № 6. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/ponyatie-funktionalnogo-stilya-v-sovremennoj-lingvistike>. – Дата доступа: 02.04.2017.
13. Кураш, С.Б. Современная электронная коммуникация как объект языковой рефлексии / С.Б. Кураш // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна. – 2013. – № 4 (41). – С. 135–140.